

Георгий Толорая

Владимир Хрусталеv

БУДУЩЕЕ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ: СТОИТ ЛИ ЖДАТЬ КОНЦА?

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: A Comatose Patient?

Добрый день, уважаемый Георгий Давидович!

Рад возможности поdiscутировать с Вами на столь занимательную и интересную тему. Актуальность данной темы вряд ли можно оспаривать, учитывая периодически возникающие простои с демонтажем ядерной программы КНДР, неопределенность вокруг состояния здоровья главы государства, роль КНДР в системе взаимоотношений в Северо-Восточной Азии, а также глобальные последствия ракетной и ядерной программ КНДР, которые используются теми же США для реализации ряда военно-технических проектов, имеющих непосредственное отношение к безопасности многих ведущих стран мира. И это не считая того, что КНДР – наш сосед и многие форс-мажорные обстоятельства, в случае возникновения таковых, неминуемо *аукнутся* в дальневосточном регионе РФ, а в худшем случае и во всем мире.

Одновременно КНДР является одной из самых закрытых стран мира, вокруг нее существует значительный *информационный шум*, и значительную его часть составляет откровенная дезинформация. Тем не менее, факт наличия в стране проблем системного характера невозможно отрицать. Ряд выводов можно сделать, исходя из имеющейся информации.

Несмотря на вывод из строя ядерной инфраструктуры, КНДР может параллельно продолжать работы по модернизации и наращиванию ядерного арсенала рядом альтернативных способов, а вопрос с обогащением урана все-таки висит в воздухе, но не под тем углом, под которым он обычно рассматривается. Его можно использовать для дальнейших *придинок* со стороны США и союзников к КНДР.

Состояние Ким Чен Ира достоверно неизвестно. Тем не менее, его отсутствие на ряде мероприятий, характер и манера подачи материалов о нем и его деятельности в СМИ КНДР, а также явные странности, сопровождающие его *визиты*, говорят о том, что в данный момент у главы государства явные проблемы со здоровьем. А вот какие, какова их тяжесть и сколько ему осталось – неизвестно и для внешнего наблюдателя непроверяемо. В случае его *выхода из строя* и/или смерти, скорее всего, на период от года до трех будет осуществляться коллективное руководство страной. Однако в целом удерживая ситуацию, правящая верхушка будет откладывать главные проблемы *на потом*, но бесконечно это продолжаться не сможет. Хотя если возникнут такие явления, как новые катастрофические наводнения, либо резко ухудшится эпидемическая ситуация, или же попытка *закрутить гайки* в экономике и социальной сфере встретит

А
К
И
М
Е
Л
О

отпор, поодиночке или в комбинации они смогут спровоцировать развязку очень быстро (в самом крайнем случае, уже в 2009 г.).

Внешне общество в целом стабильно, однако продолжает развиваться ряд негативных явлений (например таких, как уже значительное разрушение системы информационной изоляции, высокая роль частной торговли, роль иностранной валюты), подтверждающих версию о том, что уже в среднесрочной перспективе (менее пяти лет) возможен относительно внезапный (для внешнего наблюдателя) крах правящего режима. Сообщения СМИ и ряда специализированных источников говорят о том, что в 2009 г. власти начнут масштабную борьбу с данными явлениями. Вопрос в том, каковы же шансы на успех? Ведь сама эта борьба может спровоцировать опасные для власти проблемы.

Ряд противоречий в обществе порождаются и явными несоответствиями официальной идеологии и уличной реальности, экономическими противоречиями между горожанином и крестьянином и т.п. Северная Корея напоминает большого в коме на искусственной вентиляции после ДТП, но у него параллельно развивается рак. Отключать его для операции нельзя – умрет. Не лечить рак – умрет, но позже. Даже если прооперировать, неизвестно, хватит ли ему сил пережить операцию. Пока политическая система КНДР существует и функционирует более-менее устойчиво, но что будет в ближайшее время (до пяти лет)? Какие выводы должна сделать Россия? К чему нам надо готовиться?

С уважением,
Владимир Хрусталеv

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Re: A Comatose Patient?

Здравствуйте, уважаемый Владимир!

Благодарю Вас за письмо. Вот уже два десятка лет вопрос о будущем КНДР продолжает оставаться предметом дискуссий на сотнях конференций и форумов, в научных изданиях, СМИ и т.д. Преобладающей (во всяком случае, на Западе) с конца 1980-х гг. была точка зрения о том, что режим *вот-вот* рухнет. Такой прогноз, правда, не спешил оправдываться, что привело к сокращению сторонников катастрофического сценария. Однако большинство политиков и политологов все равно считают, что нынешняя политическая система исторически обречена, а многие исходят из желания *подтолкнуть* режим к распаду и добиться его *мягкой посадки* (управляемого коллапса). За этим, естественно, последует объединение Кореи, точнее, поглощение Севера Югом.

Вы, Владимир, также строите свой анализ в русле данного подхода, рассуждая о возможности в среднесрочной перспективе (менее пяти лет) относительно внезапного краха правящего режима. Аргументы в пользу такой точки зрения – продолжающееся *разрыхление* официальной идеологии, расширение антисоциалистических стихийных товарно-денежных отношений, проникновение южнокорейской и западной культуры и т.д. Подтверждением реальности такой опасности является и то, что власть чувствует угрозу – в последнее время ее реакция стала весьма жесткой, включая ограничение рынков, *закручивание гаек* и репрессии. Критический фактор – ухудшение здоровья северокорейского лидера, который, можно сказать, является для КНДР *государствообразующей* личностью и может с полным основанием повторить вслед за Людовиком XIV: «Государство – это я».

Все это так. Но действительно ли, как считаете Вы, Северная Корея находится *в коме*? Такую точку зрения исповедуют те, кто получил доступ к информации изнутри страны лишь недавно, не отдавая себе отчета в том, что голод и лишения, неэффективность экономики и репрессии были характерны для этой страны практически с момента ее возникновения. Конечно, 1990-е гг. были критическими, но ныне среднему северокорейцу живется уж никак не хуже, чем 20–30 лет назад, хотя, конечно, равенства поубавилось. Это прямой результат оживления экономической жизни: рынки, полукустарное

производство, получастный сектор услуг заметно изменили стандарты существования. К традиционной *партийно-государственной* элите добавилась *буржуазная* прослойка (хотя, надо отметить, *новые корейцы* с криминалом обычно не связаны). Надо признать, что страна развивается, и потенциал роста не исчерпан, хотя, конечно, идеологические оковы и озабоченность режима своей безопасностью этому мешают.

Рассуждать о будущем Северной Кореи можно лишь с учетом понимания глубинных факторов, обеспечивающих покорность населения на протяжении многих десятилетий, несмотря на угнетение и спартанские условия существования. Дело, как мне кажется, в применении Ким Ир Сена традиционной конфуцианской модели государственного устройства и факторе национализма в его северокорейской ипостаси. Идеи *чуже* говорят о важности *опоры на собственные силы*, независимости и принципе *жить, никому не завидуя*, и, как бы это ни было для нас странным, для корейцев такие идеалы близки и понятны. Подобное общество, во многом напоминающее традиционную для Востока феодально-бюрократическую теократию, довольно устойчиво, оно может эволюционировать, и никакие рыночные отношения не поколеблют государственных устоев, пусть даже и приведут к *растворению* коммунистической идеологии в национальной *идее государственности*. Последнее уже не за горами. Но смена идеологического вектора не обязательно должна означать смену правящей элиты и иерархии управления. Элита может обновиться естественным путем, а бюрократическая система перекрашена и подновлена.

Г. Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Legitimacy of Power

Георгий Давидович,

Хочу пояснить, почему я взял за период прогноза именно пять лет. Реальный горизонт однозначного прогноза, который мы можем делать со значительной достоверностью, составляет пять лет, тогда как пространство за горизонтом, где мы можем условно прикидывать разные возможности, насчитывает еще 20 лет после этого момента. И за этим моментом следует абсолютная непредсказуемость. Причем пять лет – это примерный срок, за которым неопределенность в состоянии системы начинает преобладать над определенностью в самых разных видах человеческой деятельности.

Главная цель, ставящаяся элитой во главу угла, – это выживание существующего в КНДР политического режима. Однако для существования любого политического режима необходимо соблюдение ряда фундаментальных условий. Условием устойчивости власти в долгосрочной перспективе является ее легитимность. В своей основе северокорейская легитимность строится на конфуцианском культурном фундаменте, специфической официальной картине внешнего мира, информационной самоизоляции, определенном доктринальном понимании прошлого и настоящего, а также наборе определенных инструментов контроля над общественным сознанием вкупе с существовавшими долгое время пространственными и техническими ограничениями (как-то: разрешения на поездки из уезда в уезд или пломбы на радиоприемниках). Требования сохранения легитимности порой объективно противоречат другим потребностям страны, общества как сложных систем, которым необходимы ресурсы и для развития, и для простого выживания. Не могу не согласиться, что роль конфуцианской модели системообразующая, а вот оценить ее детали, а уж тем более делать тщательные прогнозы на будущее вряд ли возможно, ибо там уже культура и море нюансов.

Все-таки я думаю, что аналогия между системой и пациентом *в коме* корректна. Следует еще раз вспомнить – что нужно КНДР в историческом плане? Выжить. Что необходимо для выживания? Модернизация, безопасность, выход как из самоизоляции, так и из внешней изоляции, при этом с обязательным параллельным сохранением легитимности режима, причем как внешней, так и внутренней. Имеет смысл поверхностно рассмотреть этот набор часто по сути взаимоисключающих требований, однако трагизм в том,

П
О
Л
Е
М
И
К
А

что если любое из них не будет удовлетворено на некотором минимально необходимом уровне к некоторому временному этапу, то это гарантированный финал чучейского проекта.

В. Хрусталеv

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Nuclear Card

Владимир,

Сейчас северокорейские руководители планируют решать проблему преемственности с прицелом на 2012 г. (столетия Ким Ир Сена и 70-летия Ким Чен Ира), когда, видимо, будет объявлен *наследник*. Сомнительно, чтобы все было *как по нотам*, но радует уже то, что какая-то подготовка к смене власти началась. Грядущая смена поколений дает северокорейской элите шанс на изменения во имя выживания. Конечно, не факт, что новое руководство способно будет это сделать, особенно если оно придет к власти в краткосрочной перспективе и будет включать престарелых идеологов. Но можно надеяться, что со временем движимая инстинктом самосохранения элита сможет сформировать прагматическое ядро, сохраняющее внешний пиетет к идеям чучхе и наследию *вождей*, однако подспудно ведущее страну по пути экономической трансформации при сохранении авторитарного (но уже не тоталитарного) режима. Кодовое название такой политики фактически уже появилось – *строительство сильной и процветающей державы*. Чучхейская *национальная идея* предлагает простые и понятные обывателю ориентиры. И сами северокорейцы в общем-то вовсе не жаждут оказаться в *объятиях* (а вернее, под пятой) южнокорейских *братьев*, тем более превратиться в протекторат Китая.

Непременным условием, конечно, должно быть обеспечение внешней безопасности и пресечение попыток подрыва режима, что требует сохранения закрытости. Как это совместить с реформами, пока не ясно. *Ядерная карта* в этих условиях приобретает решающее значение – только она гарантирует неприменение военного сценария и обеспечивает заинтересованность партнеров (как противников режима, так и поддерживающих его Китая и России) в стабильности во избежание хаоса в *де-факто* ядерном государстве. При таком понимании КНДР будет держаться за ядерное оружие до последнего, во всяком случае, до того момента, пока не будет полностью уверена в отсутствии враждебных намерений со стороны своих противников и сможет обоснованно рассчитывать на получение действенной помощи развитию страны. Как будет развиваться дипломатический процесс вокруг этой центральной для будущего КНДР проблемы? Об этом, а также о роли России в нем и стоит порассуждать.

С уважением,
Георгий Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Re: Nuclear Card

Георгий Давидович,

Для начала стоит подумать, что и как может угрожать разрушением информационной изоляции? Все что угодно из внешнего мира! Это и делает пхеньянский *проект* призрачным. А вот примирит ли конфуцианский фундамент эти части нашей реальности – большой вопрос. Будет ли ядерный козырь гарантией? Думаю, есть все основания считать ядерное сдерживание возможным *триггером* начала конца. Ядерные испытания 2006 г. дали передышку, потом и оправдание, что «для создания гаранта безопасности было необходимо затянуть пояса». Логично, в том числе и для обывателя. Однако одну из причин сохранности госаппарата КНДР от *коррозии* и развала некоторые специалисты видят в наличии военной опасности, воспринимаемой как реальная и чиновниками,

и личным составом армии, и населением. Теперь же, судя по ряду сообщений, потенциальная военная угроза не воспринимается как непосредственная военная опасность. Значит, можно расслабиться, по принципу «войны не будет, нападать нет смысла – ведь у нас есть ядерное оружие». Это снижает легитимность повальной милитаризации, повышает набор претензий к власти и позволяет предполагать их рост в будущем. А это в перспективе уже сильный дестабилизирующий фактор, не единственный, но важный. И их море.

Посему пространство возможностей для Пхеньяна крайне ограничено и будет то сужаться, то расширяться, но в целом вариантов будет немного. Но так как мы не можем и не сможем точно знать, что у них в голове, России придется действовать осторожно, прохладно и прагматично.

Во-первых, необходимо достаточно широкое обсуждение ядерного фактора во внешней и внутренней политике КНДР, ибо там существует значительное количество мифов, неточностей и допущений как в рамках самого российского экспертного сообщества, так и эксплуатируемых в пропагандистских целях другими сторонами переговорного процесса.

Во-вторых, КНДР как «угрожающий мировой и региональной безопасности фактор» эксплуатируется США и Японией как предлог для наращивания военной мощи и изменения баланса сил в регионе и мире в целом. Американская ПРО в Северо-Восточной Азии – ярчайший пример такого подхода, хотя их уже множество.

В-третьих, действия США вызывают ответные действия КНР и РФ. Таким образом, возникла система прямых-обратных связей, которая приводит не к коррекции системы, а к углублению негативных явлений в регионе и в мире. А это уже стратегические сдвиги. Так меняются условия существования в регионе. И в этих условиях мифостроение (в широком смысле) опасно, как и опасно вмешательство неких внешних игроков.

Кроме того, очень много говорится в последние годы о том, что, помимо государств, все чаще в международные отношения лезут негосударственные игроки. В большинстве случаев под ними подразумеваются международные террористические организации. Однако обострение в конце 2008 г. не в последнюю очередь вызвано засылкой в КНДР аэростатов с листовками, а ведь делалось это вопреки официальной воле властей Сеула. Негосударственными религиозными организациями. Из нейтральных вод...

Владимир Хрусталеv

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Between Scylla and Charybdis

Владимир,

В отличие от большинства партнеров северокорейцев (за исключением только китайцев) мы более или менее точно знаем – ну или если не знаем, так чувствуем и можем предположить – «что у них в голове», ибо вышли из одной *советской шинели*. В рамках хорошо знакомой старшему поколению *военно-коммунистической* парадигмы те «потребности страны, общества как сложных систем, которым необходимы ресурсы и для развития, и для простого выживания» – *всегда* подчиняются требованиям легитимности и идеологии, на которой данная легитимность основана. Тем более что в КНДР эта идея состоит не столько в достижении коммунистической утопии, сколько в сохранении национальной идентичности и *самостоятельности* (а равной Северной Корее по пренебрежению внешними факторами страны, пожалуй, и не найти).

Так что сценарий коллапса возможен, но он не самый вероятный. Стоящая, как Вы правильно указываете, перед КНДР двуединая задача – «модернизация, безопасность, выход как из самоизоляции, так и из внешней изоляции» и «параллельное сохранение легитимности режима, причем как внешней, так и внутренней» – в принципе решаема при безусловном приоритете второй составляющей. Именно это и обеспечивает известную

жизнеспособность чучейского проекта в отличие от советского, который при ослаблении идеологических хомутов тут же рассыпался, так как идеологическая составляющая обанкротилась.

Однако удастся ли северокорейским лидерам пройти между Сциллой экономической и социальной деградации из-за идеологической *упертости* и Харибдой экономической и социальной либерализации, могущей подорвать режим? Во многом это будет зависеть не только от изворотливости и чутья правящего класса, но и от внешних факторов.

Может ли ослабление потенциальной внешней военной угрозы, как Вы, Владимир, подзреваете, разрушить чучейскую ментальность? Дело в том, что в представлении северокорейцев посягательства на *самостоятельность* отнюдь не сводятся к силовым аспектам. Как не менее опасный вызов воспринимаются политическое и экономическое давление, *подрывные действия*, включая *мягкое* проникновение (этим объясняется столь жесткая реакция на засылку листовок). Опасность исходит не только со стороны Запада: растущую угрозу в Пхеньяне видят в китайском факторе. А разрыв отношений хоть какого-то сотрудничества с Югом и имеющаяся у северокорейцев возможность в любой момент обострить обстановку (скажем, направив свои корабли за линию разграничения в Желтом море) создают для властей идеальную возможность периодически *подбадривать боевой дух* населения.

Россия до недавних пор не рассматривалась в негативном ключе из-за ее слабости, однако активизация нашей внешней политики также заставит Пхеньян задуматься. Так что расслабляться и кадрам, и населению правящие круги вряд ли дадут, даже если военная угроза отойдет на второй план. Последние кадровые перестановки отнюдь не говорят о тенденции к терпимости.

А потому психология *осажденной крепости* в обозримом будущем продолжит оставаться определяющей, даже если представить себе, что КНДР, как недавно было ею заявлено, откажется от ядерного оружия после нормализации отношений с США. Тем не менее, надо признать, что возможное потепление отношений с Западом стало бы наиболее действенным средством для ослабления свирепости режима и его эвентуальной трансформации в сторону *социалистического рыночного хозяйства* восточноазиатского образца.

Именно поэтому ядерную проблему следует рассматривать не только как вызов ядерному нераспространению и угрозу стабильности, но и как шанс для выживания КНДР и создания новой системы международных отношений на Дальнем Востоке, которая обеспечивала бы большую безопасность и возможности для развития для всех региональных игроков, включая КНДР.

Для России это серьезный дипломатический вызов. *Во-первых*, необходимо отвести угрозу ядерного распространения – за КНДР могут последовать Иран и целая группа государств и даже негосударственных игроков... *Во-вторых*, речь идет о стабильности в приграничном регионе. *В-третьих*, разворачивается геополитическая игра, ставка в которой – распределение ролей в Восточной Азии. Нашим интересам вряд ли отвечает усиление влияния как США, так и Китая, равно как и рост конфронтации между ними. Именно сохранение статус-кво, включая независимость КНДР (вне контекста ее социального устройства), позволило бы избежать здесь крупных сдвигов в расстановке сил не в нашу пользу. Немаловажно и то, что ситуация на Корейском полуострове – одна из немногих международных проблем, где у нас нет особых противоречий с США, а возможно сотрудничество, особенно с новой демократической администрацией. И, *наконец*, модернизация КНДР – серьезный шанс для получения российским Дальним Востоком значительных экономических бонусов.

Какова же миссия России в вялотекущем мирном процессе – шестисторонних переговорах? Представляется, что о долгосрочных целях у нас до сих пор особенно не задумывались, привычно утешая себя тем, что все равно проблемы решаются на двустороннем – между США и КНДР – треке (который с приходом к власти президента Барака Обамы, судя по всему, станет определяющим). Регулированием процесса занимается Китай, а от нас все равно, мол, мало что зависит. В решении собственно ядерной проб-

лемы (которая для нас в корейском урегулировании, вероятно, не главная, и уж конечно, не единственная), возможно, это и так. В решении долгосрочных геополитических задач России в Азии, однако, урегулирование корейской проблемы – реальный шанс для нашей страны оказать влияние на мироустройство в этом регионе. Шанс, который может быть упущен.

Георгий Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Love or Fear - What Is Better?

Уважаемый Георгий Давидович,

Не могу не согласиться с Вами в том, что ядерное сдерживание (в его *чуждейском* исполнении) – это один из ключевых факторов, необходимых для сохранения Пхеньяном спокойствия по поводу возможности решения США вдруг пойти силовым путем.

Это позволяет отвлечь ряд ресурсов на решение других задач, а также повысить эффективность других маневров, иногда применяемых КНДР в ходе кризисов (тут можно вспомнить перехват и сопровождение американского самолета-разведчика над нейтральными водами в 2003 г.). Что же касается переговоров, то стоит помнить, что *политика пропаганды трезвости из-за барной стойки* в Пхеньяне воспринимается с понятным скепсисом. КНР и РФ – ядерные державы, РК и Япония – под *ядерным зонтиком* США, а вот КНДР никто ничего так же серьезно не гарантирует.

Ядерное оружие – это средство с несопоставимой военно-политической эффективностью, даже если на самом деле оно не является полноценно применимым. Ведь оно имеет ни с чем не сравнимую *апокалиптическую* репутацию. То есть Северную Корею все-таки из-за него боятся. А как говорил Николо Макиавелли, «вас могут любить, могут бояться. Любовь от вас, по сути, не зависит, а вот страх очень даже. Опирайтесь же лучше на то, что от тебя зависит». В дополнение к этому у КНДР есть печальный опыт и нарушения американцами Женевских соглашений, и провала КЕДО, и открытое декларирование КНДР как цели для американского ядерного оружия, воинственных речей администрации Буша и т.п. В этих условиях концепция ядерного сдерживания вне конкуренции.

КНДР серьезно и контролируемо вывела из строя свой реактор, главный источник плутония. Как и другие ключевые объекты ее ядерного топливного цикла. Также не было переработано топливо с цикла наработки 2005–2007 гг., что заметно снижает предполагаемый уровень запасов кондиционных, оружейных делящихся материалов, имеющихся в наличии. Однако я не думаю, что КНДР это сделала от хорошей жизни или по доброй воле. Весной 2007 г. реактор встал на две недели по неизвестным причинам. Видимо, это была аварийная остановка. Да и в ходе переговоров рядом официальных лиц делались высказывания о том, что КНДР столкнулась с проблемой безопасной эксплуатации реактора. Так что очень возможно, что реактор был уже не в кондиции, но даже так выгоду в Пхеньяне получили. Да и за демонтаж объектов платить будут иностранцы. Поэтому дело, видимо, не только и не столько в успехе переговоров и давления, сколько в ядерной технике и технологии. Раз приостановлено производство плутония, то возможности наращивания как численности, так и мощности арсенала либо ограничены, либо заморожены. Однако полностью избежать возможности наработки дополнительных делящихся материалов в КНДР избежать нельзя в принципе. Речь идет о потенциальной, технически скрытной возможности наработки обогащенного до оружейного качества урана. Вопреки расхожему мнению для этого не требуются огромные предприятия, большие энергозатраты и море сырья. Но так только в одном случае – если обогащенный уран идет на усиление плутониевой бомбы, а не на отдельные чисто урановые имплозивные, а тем более *пушечного* типа заряды.

Известно и о том, что КНДР вполне могла получить доступ к достаточной по объему информации технической и научной документации о центрифужном методе обогаще-

А
К
И
М
Е
Л
О
П

ния из Пакистана. В КНДР, помимо этого, есть как технологии, так и реальные производства тетрафторида урана, а для центрифужного метода используется гексафторид урана. Есть опыт очистки, обработки урана, производства ядерного топлива и т.д.

Однако, учитывая другие технические оговорки, а также отсутствие теперь рабочего реактора, этот ресурс роста (это если такое решение вообще было принято и реализовано, но опровергнуть или подтвердить это сейчас и в ближайшем будущем нереально) быстро иссякнет, и, даже если такой проект был или есть, он быстро упрется в производственный потолок. Один-два года работы, и *алгрейд* всего арсенала готов, а вот дальше суммарный рост килотоннажа пойдет очень и очень медленно. Повторюсь, если таковой вариант вообще был принят и осуществлен. Однако это неплохой повод для бесконечных придилок, поэтому если кому-то из участников переговоров это потребуется, то он легко может и будет требовать доказательств отсутствия. Это обязательно надо учитывать.

Владимир Хрусталеv

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Tail Wags the Dog

Владимир,

Ядерный фактор является центральным не только в обеспечении безопасности КНДР, но и в целом в корейском урегулировании. Ядерная проблема – продукт глубокого комплекса неполноценности и незащищенности КНДР. Эти ощущения после утраты поддержки СССР приняли параноидальные формы, хотя Ким Ир Сен стал задумываться о собственном ядерном оружии чуть ли не с 1950-х гг. Главной целью программы его создания была страховка от неожиданностей, сдерживание. И это понятно.

Вскоре, однако, выяснилось (возможно, даже довольно неожиданно для Пхеньяна), что *ядерная карта* является мощным средством шантажа, дипломатическим рычагом, который поставил КНДР в фокус мировой политики, заставил с нею считаться. При этом Пхеньян может игнорировать мнение мировой общественности практически безнаказанно, так как военное решение было еще в начале 1990-х гг. признано неприемлемым из-за возможного ущерба, который северокорейцы могли нанести противникам, а средства санкций и давления в отношении тоталитарной и закрытой страны не работали. Тем более в условиях, когда чрезмерного обострения ситуации не мог допустить Китай, поддерживаемый с середины 1990-х гг. и Россией.

Значительная часть вины за тупик лежит на США и их союзниках. Сначала Вашингтон, вопреки мнению специалистов (в том числе российских), ожидал скорого краха КНДР, который естественным образом разрешил бы ядерную проблему, и не торопился выполнять достигнутые с Пхеньяном договоренности, что стало для КНДР *плохим уроком* («значит, и нам можно»). Затем (опять-таки вопреки советам специалистов) США попытались использовать нажим, изоляцию и санкции, чтобы «заставить КНДР правильно себя вести» (смехотворное целеполагание и непрофессиональная политика!). Результатом стали только лишения северокорейского народа – западники забыли уроки СССР и Китая, где гибель миллионов людей в годы коллективизации, *большого скачка* не только не подорвали режимы, но заставили их уверовать в собственное всемогущество. Примерно то же произошло и в Северной Корее – ее лидеры убедились в полной *импотенции* Запада, равно как и в своей потенции – возможности навязывать и вести выгодную для себя линию. А демонтаж уже отслужившего свое и ненужного реактора в Ненбене за американский счет в качестве главной и серьезной уступки – вообще верх дипломатического искусства, заставляющий вспомнить пословицу о том, как *хвост виляет собакой*.

Г. Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Status quo

Уважаемый Георгий Давидович,

Главное – это неработающий реактор и плутониевый завод, и это очень хорошо. Еще лучше для всех то, что в середине 1990-х гг. было заморожено строительство реакторов мощностью 50 МВт и 200 МВт и сейчас возможности их завершить у КНДР нет, а с нуля такой проект она не потянет. Если бы не соглашения 1994 г., то КНДР могла бы нарабатывать плутоний в больших на порядок объемах, а также пытаться нарабатывать третий, термоядерный вариант, а это уже другие возможности, другой арсенал, другая численность и уже суммарный мегатоннаж, а не килотоннаж. И сейчас КНДР бы имела арсенал, сопоставимый с Пакистаном или Индией, вот это было бы, действительно круто. Так что самого плохого мы избежали. С другой стороны, ядерные испытания заморозили ситуацию и вместо *барабанов* пошли переговоры. Поэтому для России дела идут в общем довольно неплохо. С другой стороны, главная ядерная опасность миру сейчас также исходит не от КНДР, а от Пакистана. По крайней мере, пока. Ядерный статус КНДР во многом ограничил возможности ключевых игроков, таких как КНР и США. И это нам тоже пока на руку. Поэтому военно-стратегические дела не самые главные в ближайшие годы, главное – это другие вызовы выживанию режима. Статус-кво пока нам выгоден, и позитивных альтернатив для России не видно. Думаю, за него и надо бороться. А проблема ядерного распространения лежит в самой современной системе международных отношений.

В. Хрусталеv

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Re: Status quo

Уважаемый Владимир,

Да, для России статус-кво не противопоказан. Однако его изменение в направлении нормализации обстановки – признания КНДР Западом, развития межкорейских отношений – может принести нам значительные экономические и политические дивиденды. Так что мы можем с чистой совестью утверждать, что мы – за национальное примирение Севера и Юга (на что аллергия и у Китая, и у Японии, а США согласны на это только на своих условиях, т.е. под южнокорейским и своим контролем) и снижение напряженности на полуострове. Не только утверждать, но и активно предлагать свои рецепты, продвигать инициативы – хотя бы и в пропагандистских целях. Похоже, это мы делать разучились.

Г. Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Technology Sponsor

Георгий Давидович,

Проблема *выживания* КНДР гораздо глубже, даже на пятилетнем промежутке. Процессы контактов с внешним миром местному социуму просто необходимы, но также и опасны. Причин тому несколько, как и рождаемых противоречий. Вот несколько примеров:

Во-первых, КНДР испытывает нехватку как конвертируемой валюты, так и необходимого экспортного потенциала (чего-нибудь достаточно ценного и востребованного на внешнем рынке, вроде нефти). С другой стороны, КНДР очень зависима от внешнего мира как источника продовольствия и кондиционных энергоносителей. В общем и целом, экспортная выручка как источник для масштабных государственных инвестиций от-

А
К
И
М
Е
Л
О

сутствует. Нужна прямая внешняя помощь, но более заметная, нежели периодический прокорм их ТЭС мазутом.

Во-вторых, имея дефицит ресурсов, страна стоит перед необходимостью постоянных больших затрат на оборону и ВПК. А экспортная выручка от продукции местной оборонки сколько-нибудь значительно эти инвестиции не окупает. Это дыра, в которую утекают финансовые и лучшие трудовые ресурсы. Причем прямой денежной либо гражданской технологической выгоды это вливание не приносит.

В-третьих, страна находится как под пропагандистским, так и под политическим и экономическим прессингом. Проще говоря, КНДР, как и Кубе, часто приходится за многие товары, услуги и допуски к рынкам и технологиям платить больше из-за всяких международных *наценок* на режимы подобного рода. И в то же время внешнее культурное и пропагандистское воздействие для КНДР заметно опаснее, чем для многих других антизападных режимов (опасный пример Южной Кореи из-за успеха экономической и политической системы). А своя ресурсная (в широком смысле) база крайне слаба, а для многих задач вообще неадекватна.

В-четвертых, стоит помнить, что если в Пхеньяне не хотят стать эдаким Непалом (только с ракетами), то нужно срочно создать конкурентоспособные экспортные отрасли-локомотивы, обучить относительно большое количество специалистов, соответствующих конкурентному мировому уровню, и подумать об уже недалеком будущем, в котором будут иметь важное значение и нынешняя низкая рождаемость, и декавалификация занятых в промышленности, и снижение уровня школьного образования в провинции. А на это нужны либо деньги, либо программы, либо люди. Но где это взять без *двойного дна*?

Вот тут-то у РФ есть шанс. Это, конечно, не гарантированный выгодный и железно успешный вариант, а, видимо, серьезный шанс (если там действительно еще можно что-то спасти). РФ не может быть сколько-нибудь масштабным финансовым донором и прямым политическим спонсором, но при этом надо как-то помочь КНДР, ибо это в наших интересах. Решения есть.

Наша потенциальная ниша номер один – это **технологический спонсор** в энергетике. В условиях общего и затяжного экономического кризиса в Северной Корее первоочередные и пока не разрешимые проблемы сохраняются в топливно-энергетическом комплексе.

В КНДР ТЭС работают на угле. Но сложности в его добыче связаны с нерегулярной подачей на шахты электроэнергии, постоянной нехваткой транспортных средств для вывоза произведенной продукции. К тому же основные производственные фонды угольных предприятий сильно изношены, часто выходит из строя оборудование, из-за отсутствия в необходимых количествах крепежных конструкций остается высоким уровень аварийности. Снижается и качество добываемого угля (например, снижается калорийность).

В Северной Корее много крупных и мелких ГЭС, расположенных в основном на севере и северо-востоке страны. Однако в силу климатических условий они действуют в основном в пиковом режиме, чтобы сохранять речную воду, а с полной нагрузкой только в период дождей (с середины июля до середины августа). Поэтому их средняя мощность за год не превышает 30–40%. Большая часть энергетической инфраструктуры устарела.

Выработка электроэнергии по объемам более чем в 1,5–2,5 раза меньше, чем величина дефицита (на середину 2000-х гг. оценивался в 30 млрд кВт/ч в год). Да и потери в сети составляют по разным оценкам 16–50%. Как этот дефицит устранить? Вариант с АЭС под ключ от КЕДО провалился. С треском. С огромным. Поэтому идею с АЭС на ближайшие годы надо отложить. Но энергия нужна, и как можно быстрее, и чтобы достаточно дешево, и в необходимом объеме и виде. И вот тут у нас есть кролик в рукаве! У нас есть возможность предложить выход их энергетике из специфического местного техносферного тупика.

Приведу один пример.

В РФ есть технологии гелиоаэробарических теплоэлектростанций (ГАБ ТЭС), есть не слишком большие, но уже рентабельные производства *ветряков* и т.д. Это именно те технологии, которые у РФ есть, и помощь на основе этих альтернативных комбинированных технологий будет не особо дорогостоящей (можно построить несколько пилотных, практически копеечных ГАБ ТЭС мощностью 50 КВт или комплекты *ветряков* для деревень), доступной уровню КНДР. Это расширит пространство для принятия решений в экономическом строительстве, упростит снабжение сельского хозяйства, даст энергию небольшим предприятиям в провинции.

Другой (возможно, параллельный) путь – это возможность участия в модернизации уже существующих местных ТЭС, восстановлении производства турбин.

Необходимые ресурсы и ряд конкурентных преимуществ у нас есть в области генной инженерии сельскохозяйственных культур. Эта биотехнология при внедрении позволит снизить зависимость от минеральных удобрений и поднять урожайность. Эта же продукция подойдет и дальневосточному сельскому хозяйству России, учитывая общую климатическую зону. А за счет гарантированного федерального финансирования этой программы можно будет нарастить объем производства модифицированного семенного фонда до самостоятельно рентабельного уровня.

Значительный опыт накоплен на Дальнем Востоке в отношении марикультуры. Широко известен опыт КНДР по использованию искусственных прудов для разведения рыбы. Однако есть и морская марикультура. Например, с одного гектара морских плантаций можно собрать до 300 т мидии, до 120 т морской капусты или вырастить до 3 т креветок (мировые данные). Учитывая нехватку пригодной для обработки земли, это немаловажно.

Имеется у России и пригодная для КНДР технология выращивания спирулины – синезеленой микроскопической водоросли – в теплицах. Скорость роста спирулины и ее урожайность выше, чем у традиционных сельскохозяйственных культур, в пять-десять раз, выход белка на единицу площади за единицу времени в десятки раз выше, чем у сои, и для производства 1 кг спирулинового белка требуется в 10–30 раз меньше площади, причем можно использовать непригодные или требующие рекультивации земли. Это очень важно, учитывая тот самый дефицит пригодных для обработки площадей.

Нужны, конечно, и решение, и подробный план, а также настойчивая и упорная реализация при надлежащем финансировании из единого центра. Однако стоит ли так стараться? Или это всего лишь близорукие иллюзии о том, что у нас есть шанс сдвинуть этот камень? И как в случае реализации не обеспечить стратегические бонусы КНР в ущерб себе?

С уважением,
В. Хрусталеv

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: *Conventionalization of North Korea*

Владимир,

Хочу заметить, что внешнеполитическая стратегия на превращение России в энергетическую сверхдержаву (правда, подвергнутая серьезному сомнению российско-украинским газовым кризисом) имеет в Восточной Азии весьма благоприятные возможности для реализации. И Корейский полуостров играет в этом не последнюю роль. Так что наше содействие КНДР в энергетике имеет не только узко северокорейское измерение. Кое-что начато, но дела и со строительством ЛЭП через Север на Юг Кореи, и с модернизацией построенных нами электростанций пока не движутся с места. Не говоря уже об абсолютно утопической идее газопровода через северокорейскую территорию (не удержусь, чтоб не вспомнить Украину...).

Не стоит забывать и про транспортные проекты – прежде всего, железнодорожного транзита с юга через север на Транссиб. Он сулит миллиардные барыши всем участникам, и рано или поздно будет реализован, хотя нынешнее обострение межкорейских отношений затормозило реализацию уже согласованных в трехстороннем (!) формате планов.

Многообещающе и сотрудничество в сельском хозяйстве – тут инвестиции могут окупиться довольно быстро (даже элементарная поставка удобрений, которые КНДР с юга теперь не получает, дает заметную прибавку урожайности). Главное, однако, чтобы иностранная экономическая помощь (включая российскую) не консервировала отсталую структуру *самообеспечивающейся* экономики, а способствовала бы развитию экспортной специализации и становлению нормальной экономической системы – а иной, кроме рыночной (пусть регулируемой) в природе не существует... Вместе с тем, это не должно ставить под угрозу стабильность – и вот в этом нам надо убедить наших северокорейских партнеров...

Оставаясь на почве реализма, следует исходить, *во-первых*, из того, что крах КНДР не является неизбежным, *во-вторых*, что это не в наших национальных интересах (и не в интересах корейского народа в целом) и, *в-третьих*, что мы можем реально способствовать благоприятному развитию событий – *конвенционализации* КНДР (превращению в *обычное* государство) и обеспечению ее внешней безопасности и внутренней стабильности. Представляется, что это и должно стать концептуальной основой российской политики в отношении нашего непростого соседа, где, кстати, несмотря ни на что, к нам не так уж плохо относятся...

С уважением
Г. Толорая